

УДК 82-31

А. Момынкулова

магистрант II курса Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
Научный руководитель – к. ф. н. доцент Э. Т. Какильбаева
e-mail: embrace90@mail.ru

Повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» в контексте творческих исканий писателя

В статье повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» рассматривается в контексте творческих исканий писателя. Автор статьи придерживается мнения, что Толстой, с одной стороны, разоблачает деспотизм, а с другой – поэтизирует непокорность и жизнелюбие личности. Основная цель исследования - доказать, что повесть идет вразрез с толстовским учением о непротивлении злу насилием, лежащим в основе его христианских воззрений. Рассматривается история создания повести, приводятся точки зрения исследователей по поводу проблематики и жанра повести. Во главу угла ставится идея о том, что в «Хаджи-Мурате» художник-реалист Толстой не боится выступать против Толстого-вероучителя, когда этого требует правда жизни, изображаемой в произведении. Л.Н. Толстой в процессе создания образа главного героя открыто выражает восхищение свободолобивыми горцами и в то же время придерживается психологической установки на их неотвратимое вхождение в российский цивилизованный контекст.

Ключевые слова: структурно-семантический анализ, биографический анализ, символ, авторская картина мира, мотив.

А. Момынкулова

Жазушының шығармашылық ізденісі мәніндегі Л.Н. Толстойдың "Қажы-Мұрат" повесі

Мақалада Л.Н. Толстойдың "Қажы-Мұрат" повесі жазушының шығармашылық ізденісі мәнінде қарастырылады. Нәтижесінде, Толстой, бір жағынан, жауыздықты әшкерелесе, екінші жағынан тұлғаның мойынсынбау және өмір сүйгіштік қасиеттерін суреттейді. Зерттеу жүргізу нәтижесінде "Қажы-Мұрат" повесі Толстойдың христиандық көзқарасқа негізделген, күштеуге жамандықпен жауап бермеу жайлы оқытуына қарама-қайшы келетіндігі дәлелделген. Повестің жазылу тарихы, проблематикасы мен жанрына қатысты зерттеушілердің көзқарастары дәйектелген. Басты мәселе – "Қажы-Мұрат" повесінде шыншыл суретші Толстой дін рухандырушы Толстойға қарсы шығудан тайынбайтындығы. Л.Н. Толстой Қажы-Мұрат кейіпкер бейнесін құрғанда, бостандықты жаны сүйетін кавказ тұрғындарына ашық тәнті екендігін көрсетіп қана қоймай, олардың орыс өркениет мәніне заңды енуіне психологиялық орнатулар ұстана-тындығын көрсететіні белгіленген.

Түйін сөздер: құрылымдық-семантикалық талдау, биографиялық анализ, белгі, әлемнің авторлық көрінісі, мотив.

А. Momynkulova

L.N. Tolstoy's "Hadji Murad" story in the context of writer's creative research

Abstract. This article examines Leo Tolstoy's story "Hadji Murad" in the context of writer's creative research. As a result, it revealed that Tolstoy's story on the one hand, exposes despotism and on other hand poeticizes rebelliousness and joyous personality. Based on the research, the author argues that the story goes against the teachings of Tolstoy's non-violent resistance to evil underlying his Christian beliefs. Considered not only the history of the creation of the novel, but also the point of view of researchers about the novel's issues and its genre. "Hadji Murad" is a shining example of how great realist Tolstoy was not afraid to speak out against Tolstoy preacher when required by the truth of life portrayed in the story. L.N. Tolstoy in the process of creating an image of the protagonist openly expressed admiration for the freedom-loving mountaineers and at the same time adheres to psychological set their inevitable occurrence in Russian civilized context.

Key words: structural and semantic analysis, biographical analysis, symbol, author picture of the world, motive.

Традиционно повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» рассматривается как одно из высших достижений реализма позднего Толстого, кото-

рый, с одной стороны, разоблачает в ней деспотизм, а с другой – поэтизирует непокорность и жизнелюбие личности. Исследователи утверж-

дают, что в преддверии первой русской революции Л.Н. Толстого интересует вопрос о психологии деспотизма, об исторических корнях этой психологии, о ее предпосылках. Небольшая по объему повесть писалась в течение семи лет (1897-1904). В черновиках Толстого сохранились 23 начала повести, 10 ее редакций, 2152 черновых страницы повести.

Практически все исследователи советского времени утверждали, что эта повесть идет вразрез с толстовским учением о непротивлении злу насилем, лежащим в основе его христианских воззрений. К примеру, Б.М. Эйхенбаум выразил свою точку зрения о расхождении Толстого-писателя и проповедника «непротивления злу насилем» следующим образом: «Никак не соприкасается с этим учением и повесть «Хаджи-Мурат», герой которой «отстаивает свою жизнь до последнего». Толстой явно любит фигуру этого «разбойника», как бы забывая обо всех своих моральных учениях и отдаваясь воспоминаниям о своей далекой молодости» [1, 59]. То же самое утверждают Н.С. Родионов: «Своеобразие «Хаджи-Мурата», сравнительно с другими произведениями позднего Толстого, заключается в том, что идея непреклонной борьбы «до последнего» звучит в повести как основной мотив, объективно опровергая проповедь «непротивления злу насилем» [2, 10], и Н. Ломунов: «...главная мысль повести решительным образом противоречит важнейшему принципу толстовского вероучения – непротивления злу насилем» [3, 9-10].

П.В. Палиевский и М.Н. Бойко рассматривали «Хаджи-Мурат» как произведение поэтически целостное, «редкой упорядоченности и гармонии», оставляя вне внимания проблемы религиозного сознания Л.Н. Толстого, его отношение к покорению Кавказа Россией, к войне вообще и к кавказской в частности, к идее непротивления злу силою, к жизненному и духовному укладу русских и горцев. Л.Д. Опульская, В.А. Ковалев, В.Я. Лакшин, М.Н. Бойко [5] отмечали принципиальное отрицание Толстым насильственных форм борьбы. В последние десятилетия исследователи, обращавшиеся к повести «Хаджи-Мурат», говорят об уклончивой или нейтральной позиции Л.Н. Толстого по отношению именно кавказской войны. По мнению Л.Н. Морозенко, Толстой в «Хаджи-Мурате» уходит от историко-философских размышлений и «намеренно

не дает никаких оценок кавказской войне» [6, 24].

Поэтому толстоееды чаще всего объектом внимания избирают те или иные сложные проблемы поэтики этой повести, настаивают на том, что «оценивающее аналитическое слово автора занимает скромное место в объективном, как бы спонтанно развертывающемся повествовании этой повести» [7, 82].

К тому же повесть «Хаджи-Мурат» имеет синтетически сложную жанровую природу. В.Я. Лакшин, акцентируя факт самоустранения Толстого в обозначении жанра, полагает, что «повесть» определение случайное и что «Хаджи-Мурат» по многим параметрам значительно ближе к роману [8, 111]. П.В. Палиевский считает ее «конспективной эпопеей», а В.А. Келдыш – «сжатой» эпопеей. В.А. Туниманов видит в «Хаджи-Мурате» только «фрагменты эпоса», в которых органично переплетаются «поэзия» и «строго документированный летописный рассказ», в его исследованиях есть и другие жанровые определения – «героическая поэма», «героико-эпическая «Песнь о Хаджи-Мурате» [9,16]. Но, несмотря на различные жанровые определения повести, есть и общее, что объединяет позиции исследователей. Все они единодушно признают то, что повесть «Хаджи-Мурат» является одной из попыток Толстого воплотить в тексте стержневую тему своих этических исканий – тему человеческого единения.

Главной причиной создания повести послужил случай, описанный Толстым в дневнике 19 июля 1896 года: «Вчера иду по военному черноземному пару. Пока глаз окинёт, ничего, кроме черной земли – ни одной, зеленой травки. И вот на краю пыльной, серой дороги куст татарина (репья), три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветок висит; другой сломан и забрызган грязью, черный, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив и в середине краснеет. - Напомнил «Хаджи-Мурата». Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял ее» [10, 99-100].

В последних словах выражена главная мысль повести. Подобно кусту репья, Хаджи-Мурат до последнего вздоха сражается за свою жизнь. Неслучайно первая редакция повести о Хаджи-Мурате была озаглавлена «Репей». Она была закончена месяц спустя после того, как в дневнике писателя появилась запись, приведенная

выше. Нужно заметить, что идея повести «Хаджи-Мурат» коренным образом противоречит главному принципу толстовского вероучения – непротивлению злу насилем, согласно которому человек, получивший удар по одной щеке, должен не сопротивляться, а подставить другую щеку.

Повесть о Хаджи-Мурате написана Толстым не только по личным воспоминаниям об эпохе Кавказской войны, но и на основе огромного количества книг об этой войне, изученных писателем, а также воспоминаний и писем современников, к которым Толстой обращался за сведениями об интересовавшей его эпохе. Так он вступил в переписку с семьей И.И. Карганова, уездного начальника города Нухи, под надзором которого одно время находился Хаджи-Мурат. Толстой просил сообщить, как был одет Хаджи-Мурат, говорил ли он хоть немного по-русски, заметно ли он хромал, какой масти были лошади, на которых Хаджи-Мурат хотел бежать, и т.д.

21 марта 1898 года, в период работы над повестью, Толстой записал в Дневнике: «Есть такая игрушка английская реершю, под стеклышком показывается то одно, то другой. Вот так-то показать надо человека – Хаджи-Мурата: мужа, фанатика и т.д.» [10, 188]. Верный исторической истине, художник рисует разные стороны духовного облика героя. Вместе с Шамилем Хаджи-Мурат был участником и руководителем газавата – священной войны против инаковерующих. Но ему, испытавшему превратности судьбы, знающему жизнь людей разных национальностей, не свойственно постоянное чувство вражды к своим соседям, и прежде всего к русским людям. Он хочет достичь мирного решения национального конфликта.

Л.Толстой пытался последовательно передать историю жизни Хаджи-Мурата, начиная с раннего детства, однако вынужден был отказаться; попробовал и форму рассказа от имени очевидца событий: в одной из редакций повесть строилась в виде воспоминаний старого военного. Но и этот способ изображения не удовлетворил художника. В августе 1902 года Лев Николаевич рассказывал одному из своих знакомых: «Раньше повесть была как бы автобиография, теперь написана объективно. И та, и другая имеет свои преимущества». Но не случайно, однако, Толстой остановился на «объективном» рассказе. Внешне «спокойное» повествование прекрасно передает внутреннюю дина-

мику событий; его сдержанность оттеняет бурный накал страстей.

Удивительная сила жизни отличает Хаджи-Мурата. Его энергия неистощима, не зная усталости, он всегда готов к действию, к борьбе. Сила жизни, свойственная герою, – это прежде всего сила сопротивления. Обстоятельства сталкивают Хаджи-Мурата с деспотизмом Шамиля, его нетерпимостью, его стремлением к абсолютной полноте власти, те же обстоятельства приводят Хаджи-Мурата к столкновению с деспотизмом Николая I, его политикой завоевания Кавказа и жестоких репрессий по отношению к горцам. Хаджи-Мурат сопротивляется и тому, и другому деспотизму. Поведение Хаджи-Мурата весьма далеко от идеала непротивления злу насилем, который утверждал Толстой проповедник. Человек горячей крови и пылких чувств, Хаджи-Мурат активно защищает себя, свою жизнь, пользуясь весьма часто насилем, которое его враги еще чаще применяют по отношению к нему. Герой и его сопротивление деспотизму нарисованы в повести с глубокой симпатией. Вопреки теоретическим построениям, Толстой увлекся правдой борьбы мощного характера. Отношения между Хаджи-Муратом и властями, с одной стороны, между ним и обыкновенными русскими людьми, с другой, отнюдь не идентичны. И если в первом случае преобладает взаимная подозрительность, то во втором – сердечность и симпатия. К примеру, прием, устроенный ему Воронцовым, был гораздо лучше того, что он ожидал. Но чем лучше был этот прием, тем меньше доверял Хаджи-Мурат Воронцову и его офицерам. Он боялся всего: и того, что его схватят, закуют и сошлют в Сибирь или просто убьют, и потому был настороже: «За обедом Хаджи-Мурат ничего не ел, кроме плова, которого он взял себе на тарелку из того самого места, из которого взяла себе Марья Васильевна» [11, 74]. За этой необыкновенно выразительной деталью скрывается целая цепь невысказанных писателем мыслей и переживаний героя.

Еще более рельефно отношения между властями и Хаджи-Муратом выявляются в сцене встречи его с Воронцовым-старшим в Тифлисе, где главным оказывается не то, что выражено словами, а то, что существует помимо них. «Глаза Воронцова говорили, что он не верит ни одному слову из всего того, что говорил Хаджи-Мурат, что он знает, что он – враг всему русскому, всегда останется таким и теперь покоряется только потому, что принужден к этому.

И Хаджи-Мурат понимал это и все-таки уверял в своей преданности. Глаза же Хаджи-Мурата говорили, что старику этому, надо бы думать о смерти, а не о войне, но что он, хоть и стар, но хитер, и надо быть осторожным с ним» [11, 95]. И всякий раз, когда Хаджи-Мурат соприкасается с высшими властями, он чувствует грозящую ему опасность.

Толстой по-другому рисует взаимоотношения своего героя с обыкновенными русскими людьми, которые воспринимали его не с официальной, а с человеческой точки зрения. С Бутлером Хаджи-Мурат «тотчас же, с первого знакомства, дружески сошелся и много и охотно говорил с ним, расспрашивая его про его жизнь и рассказывая ему про свою...» [11, 150]. Простая русская женщина, Марья Дмитриевна, проникается чувством большой симпатии к Хаджи-Мурату, видит в нем умного и справедливого человека. В свою очередь, Хаджи-Мурат чувствует к ней неподдельное уважение, душевную благодарность за ее участие в его трудной судьбе. Чем меньше люди связаны казенными нормами поведения, подчеркивает Толстой, чем дальше они от ложных казенных воззрений, тем сильнее проявляются их человеческие качества.

И это ясно сказывается и в облике Бутлера, внутренне стоящего выше мелких и крупных «службистов», и в облике незаконной жены офицера Марьи Дмитриевны, не считающейся с ходячей моралью, человека большой, чистой души. И потому так естественны и сердечны их отношения с Хаджи-Муратом - человеком иной национальности. Это замечательно рисует сцена их расставания. Хаджи-Мурат «обвел глазами всех провожавших его и ласково встретился взглядом с Марьей Дмитриевной.

- Прощай, матушка, – сказал он, обращаясь к ней, – спасибо.

– Дай бог, дай бог семью выручить, - повторила Марья Дмитриевна.

Он не понял слов, но понял ее участие к нему и кивнул ей головой.

– Смотри, не забудь кунака, – сказал Бутлер.

– Скажи, что я. верный друг ему, никогда не забуду, – ответил он через переводчика...» [11, 165].

Человеческие отношения, стоящие выше национальной розни, Толстой рисует и в массовых картинах. Русские солдаты, которых заставляют воевать против горцев, не питают к ним враждебных чувств. Встретившись с лазут-

чиками Хаджи-Мурата, солдат Авдеев заявляет: «А какие эти, братец ты мой, гололобые ребята хорошие... Ей-богу! Я с ними как разговорился... Право, совсем как российские» [11, 263]. Но национальная рознь, борьба остаются непреложными фактами реальной жизни, и именно Авдеев получает смертельную рану в стычке с горцами.

Дружба людей разных национальностей и шовинистическая нетерпимость, жажда свободы и деспотизм, человеческие побуждения и фанатизм - все эти конфликты в изображении Толстого являются определяющими судьбу Хаджи-Мурата. Крайне обеспокоенный судьбой своей семьи, он вспоминает тавлинскую сказку о соколе, пойманном и прирученном людьми, а затем вернувшимся к своим в горы.

Но сородичи соколы не приняли бывшего своего собрата, заклевали его. Прием сопоставления используется писателем, чтобы обозначить внутреннюю драму героя, который испытывает колебания между человеческими чувствами и тщеславием, в конце концов избирает отчаянную борьбу за жизнь любимых ему людей как единственно возможный для него путь.

Л.Н. Толстой на протяжении всего повествования подчеркивает трагическую бессмысленность войны. Русская деревня, поставившая солдат, сражавшихся на Кавказе, решительно ничего не знает о происходящей там войне, ее целях и совершенно не интересуется этим, занятая своими повседневными заботами. И гибель Петра Авдеева не производит на его родине большого впечатления. Известие о смерти взволновало лишь его мать, вызвало показную печаль и скрытую радость его жены. Тревоги битв, национальная нетерпимость, рознь проходят мимо русского крестьянина, чуждого воинственным затеям высших властей. Политика Николая I и его сановников приносит разрушение и смерть горцам. Главы шестнадцатая и семнадцатая повести, посвященные описанию набега на горский аул, рисуют варварскую жестокость, совершаемую русскими солдатами во исполнение предписаний царя. И в этом Толстой как русский человек и писатель видит самые страшные последствия этой бессмысленной войны.

Повесть «Хаджи Мурат» – одно из немногих произведений в русской литературе о представителе иной, восточной цивилизации, поэтому до сих пор неоднозначны суждения ученых-филологов об ее эстетической значимости. Нам важно подчеркнуть, что Л.Н. Толстой в

процессе создания образа главного героя открыто выражает восхищение свобододобивыми горцами и в то же время придерживается пси-

хологической установки на их неотвратимое вхождение в российский цивилизованный контекст.

Литература

- 1 Эйхенбаум Б.М. Работа над Толстым: Из дневников 1926-1959 гг. // Контекст 1981. – М., 1982. – 278 с.
- 2 Родионов Н.С. Предисловие // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 35. – 734 с.
- 3 Ломунов К.Н. Предисловие // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – М., 1952. – Т. 34. – 665 с.
- 4 Палиевский П.В. Реалистический метод позднего Толстого (повесть «Хаджи-Мурат») // Л.Н. Толстой: Сб. ст. о творчестве. – М., 1959; Бойко М.Н. Комментарии // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. – М., 1983. – Т. 14. – 449 с.
- 5 Опульская Л.Д. Эволюция реализма Л.Толстого // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. – М., 1974. – Т.3.; Лакшин В.Я. Возвращение Толстого-мыслителя // Вопросы литературы. – 1988. – № 5. – С. 104-117; Ковалев В.А. О композиции повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980. – 339 с.
- 6 Морозенко Л.Н. Творчество Л.Н. Толстого 900-х гг. // Литературный процесс и творческая индивидуальность. Кишенев, 1990. – 56 с.
- 7 Жариков Е.В. Особенности психологизма в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Историко-функциональное изучение русской литературы. – М., 1984; Жариков Е.В. Особенности психологизма позднего Л.Н. Толстого: (От кавказских повестей к «Хаджи-Мурату»): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1985. – 25 с.; Ковалев В.А. Документальность и вымысел в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1982. – № 6. – С. 51-60.
- 8 Лакшин В.Я. Возвращение Толстого-мыслителя // Вопросы литературы. – 1988. – № 5. – С. 104-117.
- 9 Туниманов В.А. «История искусство» в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Рус. лит., 1984. – № 1. – С. 14-34.
- 10 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 35. – 734 с.
- 11 Толстой Л.Н. Хаджи Мурат. – М.: Издательский Дом «Азбука Классики», 2009. – 73 с.

References

- 1 Eyhenbaum B.M. Rabota nad Tolstym: Iz dnevnikov 1926-1959 gg. // Kontekst 1981. – M., 1982. – 278 s.
- 2 Rodionov N.S. Predislovie // Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch. – M., 1950. – T. 35. – 734 s.
- 3 Lomunov K.N. Predislovie // Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch. – M., 1952. – T. 34. – 665 s.
- 4 Palievskiy P.V. Realisticheskiy metod pozdnego Tolstogo (povest' «Hadzhi-Murat») // L.N. Tolstoy: Sb. st. o tvorchestve. – M., 1959; Boyko M.N. Kommentarii // Tolstoy L.N. Sobr. soch.: V 22 t. – M., 1983. – T. 14. – 449 s.
- 5 Opu'lskaya L.D. Evolyutsiya realizma L.Tolstogo // Razvitie realizma v russkoy literature: V 3 t. – M., 1974. – T.Z.; Lakshin V.Ya. Vozvraschenie Tolstogo-myslatelya // Voprosy literatury. – 1988. – № 5. – S. 104-117; Kovalev V.A. O kompozitsii povesti L.N. Tolstogo «Hadzhi-Murat» // Voprosy syuzheta i kompozitsii. Gor'kiy, 1980. – 339 s.
- 6 Morozenko L.N. Tvorchestvo L.N. Tolstogo 900-h gg. // Literaturnyj protsess i tvorcheskaya individual'nost'. Kishenev, 1990. – 56 s.
- 7 Zharikov E.V. Osobennosti psihologizma v povesti L.N. Tolstogo «Hadzhi-Murat» // Istoriko-funktsional'noe izuchenie russkoy literatury. – M., 1984; Zharikov E.V. Osobennosti psihologizma pozdnego L.N. Tolstogo: (Ot kavkazskih povestey k «Hadzhi-Muratu»): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – M., 1985. – 25 s.; Kovalev V.A. Dokumental'nost' i vymysel v povesti L.N. Tolstogo «Hadzhi-Murat» // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. – 1982. – № 6. – S. 51-60.
- 8 Lakshin V.Ya. Vozvraschenie Tolstogo-myslatelya // Voprosy literatury. – 1988. – № 5. – S. 104-117.
- 9 Tunimanov V.A. «Istoriya iskusstvo» v povesti L.N. Tolstogo «Hadzhi-Murat» // Rus. lit., 1984. – № 1. – S. 14-34.
- 10 Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch. – M., 1950. – T. 35. – 734 s.
- 11 Tolstoy L.N. Hadzhi Murat. – M.: Izdatel'skiy Dom «Azбуka Klassiki», 2009. – 73 s.